

«ОРУДИЕ И ЗНАК В РАЗВИТИИ РЕБЕНКА»: САМАЯ ИЗВЕСТНАЯ РАБОТА Л.С. ВЫГОТСКОГО, КОТОРУЮ ОН НИКОГДА НЕ ПИСАЛ¹

I guess you think you know this story.
You don't. The real one's much more gory.
The phoney one, the one you know,
Was cooked up years and years ago,
And made to sound all soft and sappy,
Just to keep the children happy.

Roald Dahl, *Cinderella*

Эта история имеет все зачатки лихо закрученного политического детектива, кроме, пожалуй, собственно преступления: здесь есть и рукопись, и загадка, и международные сети агентов, и расшифровка тайных смыслов, и заграничная переписка времен Холодной войны, есть даже уже и тысячи поклонников по всему миру и всемирная слава. У этой истории нет только автора, а потому она пока что остается нерассказанной. А мы, тем временем, набросаем лишь основные факты, как они предстают нам сейчас.

«Орудие и знак»: транснациональная история утерянной рукописи и ее странной публикации.

Впервые рукопись «Орудие и знак», датированная 1930 г., была упомянута в библиографии работ Выготского образца 1934 г. в разделе книг по психологии (Выготский, 1934)². В том же самом документе фигурирует совместная рукопись Выготского и Лурии, которая под названием “Tool and symbol in the development of the child” («Орудие и знак в развитии ребенка») была направлена для публикации на английском языке в Соединенных Штатах в сборнике работ по детской психологии «Handbook of Child Psychology» (см. табл. 1)³. И вправду, сборник под таким названием

¹ Автор выражает свою признательность Н. Кременцову (N. Kremontsov) за вдохновение и консультации по различным вопросам истории науки, Р. ван дер Вееру (R. van der Veer), А. Тоомела (A. Toomela) и М. Фаликман (M. Falikman) за обсуждение ранних вариантов этой статьи, Д. Келлогу (David Kellogg), Л. Мекаччи (Luciano Mecacci), Л. Сэву (Lucien Sève), П. Кайлеру (Peter Keiler) и Е. Матусову (Eugene Matusov) за сообщения о ценных текстологических находках, а также Д. Давыдову (D. Davidoff) и Г. Зейгарник (G. Zeigarnik) за тепло и дружескую поддержку в процессе написания текста. Отдельное спасибо коллеге Е. Завершневу (E. Zavershneva) за публикации, консультации и сотрудничество. Работа посвящается долготерпению Mrs. Irena Yasnitsky. При подготовке этой статьи использованы материалы публикаций в Психологическом журнале Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (PsyAnima, Dubna Psychological Journal), см. <http://www.psyanima.ru/> и <http://psyanimajournal.livejournal.com/>.

² См. библиографию работ Выготского из его книги «Мышление и речь» в Интернете по адресу http://psychlib.ru/mgppu/VMr-1934/VMR-001.HTM#Перечень_работ_проф_Л_С_Выготского; ссылки на значительную и постоянно растущую коллекцию работ Выготского, бесплатно доступных для скачивания в виде отсканированных первых изданий оригинальных текстов см. также в Интернете по адресу: <http://psyanimajournal.livejournal.com/3526.html>

³ Следует при этом отметить, что в ссылке на несостоявшуюся английскую публикацию этой работы указано соавторство двух исследователей — Выготского и Лурии, — восстановленное при публикации этого текста в сборнике работ «Круга Выготского» в 1994 (Vygotsky, 1994). В свете этого обстоятельства, а также всей той несомненно значительной редакторской работы, которую Лурия провел между 1930 г., когда текст был написан и концом 1960х, когда началась подготовка текста к печати (см. Гольдберг, 2012; Коул, 2012; Cole, 2012; Goldberg, 2012), можно, пожалуй, утверждать, что соавторство Лурии в известных нам текстах этой работы сомнению не подлежит.

вышел в 1931 г. под редакцией профессора, издателя и научного антрепренера Карла Мерчисона (Carl Murchison) в издательстве Кларкского университета (Murchison, 1931), но работы Выготского и Лурии в нем по той или иной причине не оказалось.

После этого на протяжении нескольких десятилетий мы практически ничего не знали ни о русской, ни об английской версии данного текста вплоть до 1978 г., когда в издательстве Гарвардского университета вышла книга, которой — к большому удивлению издателей и вопреки самым оптимистичным прогнозам команды ее редакторов под неформальным руководством Майкла Коула (Michael Cole), — суждено было ознаменовать собой начало явления, называемого разными авторами то «бум» (Vygotsky boom) (Коул, 2012; Cole, 2004, 2012; Garai & Kocski, 1995), то «революция» (Vygotskian revolution) (Harre, 2006), а то и «культ Выготского» (the cult of Vygotsky) (Yasnitsky, 2010; 2011).

Эта книга, вышедшая под именем Выготского и под названием *Mind in Society. The Development of Higher Psychological Processes* (Vygotsky, 1978), по признанию ее редакторов, была «сконструирована» (constructed) из разных текстов Выготского, которые А.Р. Лурия передал Майклу Коулу для публикации на Западе. Основу первой половины этой книги, по утверждению редакторов книги, как раз и составила рукопись неопубликованной работы 1930 г. «Tool and Symbol in Children's Development», из материалов которой были «построены» главы с первой по четвертую *Mind in Society* (Cole, John-Steiner, Scribner, Souberman, 1978, p. ix). О работе над подготовкой этой рукописи к печати и роли Лурии и Майкла Коула в последующей публикации этого текста см. (Коул, 2012; Cole, 2012), а образцы страниц машинописного документа на английском языке с рукописной правкой Лурии и его американских коллег-соредакторов см. в (ван дер Веер, 2012; Van der Veer, 2012).

Вскоре, в 1984 г., текст этой работы был опубликован на русском языке под редакцией М.Г. Ярошевского в шестом томе собрания сочинений Выготского, но не под названием «Орудие и знак», под которым она изначально фигурировала в библиографии работ Выготского, приведенной в конце книги «Мышление и речь» 1934 г., а в расширенном варианте английской версии названия — «Орудие и знак в развитии ребенка» (Выготский, 1984).

Десять лет спустя, в 1994 г. в хрестоматии *The Vygotsky Reader* ван дер Веер и Валсинер опубликовали полный текст той английской версии машинописи, которую Майкл Коул изначально получил от Лурии и передал для первой полной публикации на английском языке редакторам хрестоматии. Эта публикация 1994 г. вышла под названием «Tool and symbol in child development» (Vygotsky, 1994); см. краткую предысторию этой публикации в (ван дер Веер, 2012; Van der Veer, 2012).

Наконец, в 1999 г. вышла еще одна версия текста на английском языке: в шестом томе переводного издания русского шеститомника издательства «Педагогика» был опубликован перевод русского текста 1984 г. под названием «Tool and sign in the development of the child» (Vygotsky, 1984/1999). Таким образом, примечательным выглядит уже тот факт, что ни в одном из этих изданий название текста ни разу не повторяется дважды, причем слову «знак» в русских изданиях неизменно соответствует слово «symbol» во всех английских изданиях, кроме последнего, где это слово передано как «sign», что следует считать более адекватным переводом (1999) (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Генеалогия названий рукописи и публикаций работы «Орудие и знак».

	По-русски	По-английски
1934	Орудие и знак (рукопись)	Tool and Symbol in the development of the child
1978	—	Tool and Symbol in Children's Development

1984	Орудие и знак в развитии ребенка	—
1994	—	Tool and symbol in child development
1999	—	Tool and sign in the development of the child

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что многостраничный текст работы «Орудие и знак в развитии ребенка», вышедшей на русском в 1984 г. (85 страниц) и на английском языке в 1994 г. (72 страницы), по своему объему более чем вдвое превышает средний объем главы в сборнике Мерчисона 1931 года⁴. Тем не менее, трудно сказать, тот ли это вариант текста, что был, предположительно, отправлен для публикации в США в 1930 году: мы можем лишь предположить, что в таком виде, как мы знаем его сейчас, этот текст вряд ли мог быть напечатан тогда в том издании.

История этих рукописей загадочна, а разгадка тайны их происхождения и перемещения по планете может составить тему отдельного, самостоятельного исследования. Тем не менее, эта работа интересна не только по этой причине. Сам текст работы «Орудие и знак в развитии ребенка» представляет собой загадку чуть ли не меньшую, чем его история. Итак, посмотрим, в чем же эта загадка.

В первую очередь, сравнение опубликованных русской (1984) и английской (1994) версий текста показывает, что русский текст несколько длиннее, чем его английский аналог. При этом примечательно то, что русская версия длиннее за счет лишь отдельных секций и глав, в то время как другие главы по своей длине вполне сопоставимы с английским текстом (см. Рис.1).

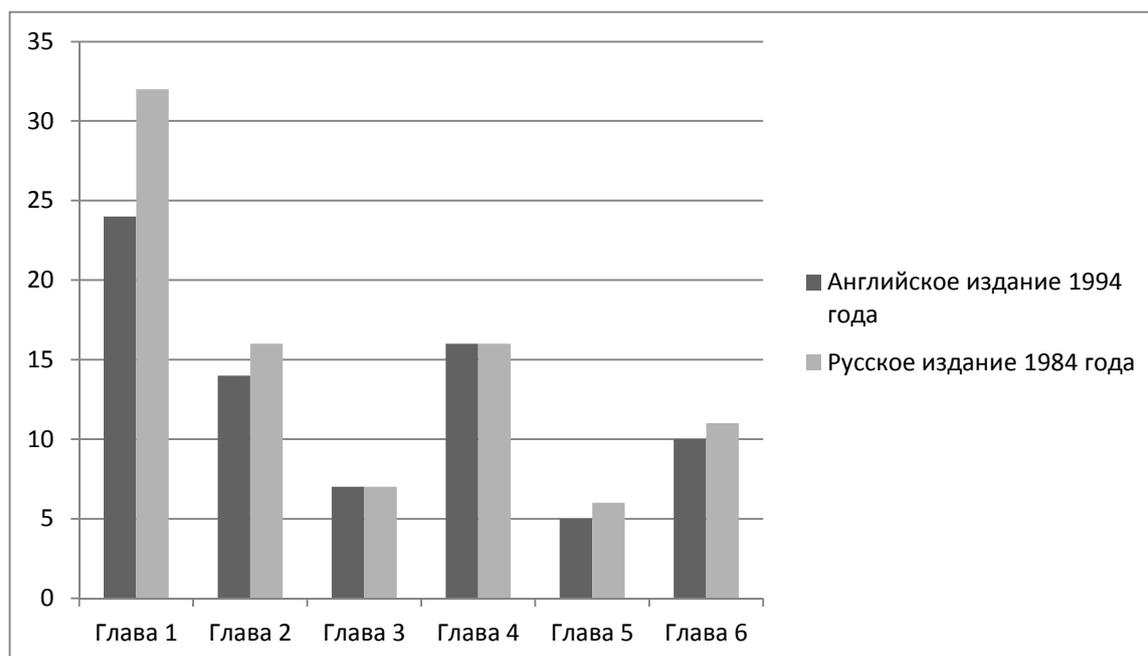

Рис. 1. Сравнительная длина (в страницах) русского (1984) и английского (1994) изданий работы «Орудие и знак».

Обращают на себя внимание различия в длине текста глав 1, 2, 5 и 6 этих двух изданий 1984 и 1994 года. И если длины глав 3 и 4 идентичны, а глав 5 и 6 текста на русском и английском языках различаются лишь на одну страницу, что можно списать на различия в шрифте, наборе и расположении текста на странице, то разные версии первых двух глав по длине различаются более существенно: соответственно на 8 и 2 страницы.

⁴ Ср. общий объем «Handbook of Child Psychology» (1931) — 22 главы на 688 страницах текста.

Анализ подсеций этих глав выявляет наиболее проблемные места. Так, подсеция первой главы, «Эксперименты по практическому интеллекту ребенка», покрывающая 13 страниц текста в русском издании, включает в себя лишь 7 страниц английского текста. Сходным образом, подсеция второй главы, «Произвольная структура высших психических функций», в русском издании располагается на 4 страницах, а в английской версии — на 2 страницах (см. подробности в Таблице 2).

Таблица 2. Сравнительное оглавление и длина публикации: *Tool and symbol* (1994) и *Орудие и знак* (1984).

Tool and symbol (1994)			Орудие и знак (1984)		
Chapter/ Глава	Pages, Figures/ Стр., Рис.	Length/ Длина	Chapter/ Глава	Pages/ Стр.	Length/ Длина
1. The problem of the practical intelligence in animal and child	99-122	24	Глава первая. Проблема практического интеллекта в психологии животных и психологии ребенка	6-37	32
<i>Experiments on the practical intelligence of the child</i>	100-	7	Эксперименты по практическому интеллекту ребенка	7-	13
<i>The function of speech in tool use: the problem of practical and verbal intelligence</i>	106-		Функция речи в употреблении орудия. Проблема практического и вербального интеллекта	19-	
<i>Speech and action in child behaviour</i>	108-		Речь и практическое действие в поведении ребенка	21-	
<i>The development of the child's higher forms of practical activity</i>	112-		Развитие высших форм практической деятельности у ребенка	26-	
<i>Development in the light of facts</i>	115-		Путь развития в свете фактов	29-	
<i>The function of socialized and egocentric speech</i>	118-		Функция социализированной и эгоцентрической речи	32-	
<i>The change of the function of speech in practical operation</i>	120-		Изменение функции речи в практической деятельности	34-	
2. The function of signs in the development of higher psychological processes	122-135	14	Глава вторая. Функция знаков в развитии высших психических процессов	37-52	16
<i>The development of higher forms of perception</i>	123-		Развитие высших форм восприятия	38-	
<i>The separation of the primary unity of the sensory-motor functions</i>	127-		Разделение первичного единства сонсомоторных функций	41-	

<i>The reorganization of the functions of memory and attention</i>	132-		Перестройка памяти и внимания	47-	
<i>The voluntary structure of the higher psychological functions</i>	134-	2	Произвольная структура высших психических функций	49-	4
3. Sign operations and the organization of the psychological processes	135-141	7	Глава третья. Знаковые операции и организация психических процессов	53-59	7
Problems of signs in the formation of the higher psychological functions	135-		Проблема знака в формировании высших психических функций	53-	
The social genesis of the higher psychological functions	137-		Социальный генез высших психических функций	55-	
The main rules of development of the higher psychological functions	138- fig. 1, p. 140		Основные правила развития высших психических функций	56-	
4. The analysis of sign operations in the child	141-156	16	Глава четвертая. Анализ знаковых операций ребенка	60-75	16
<i>The structure of sign operation</i>	142- figure 2, p. 144		Структура знаковой операции	61-	
<i>The genetic analysis of sign operation</i>	147- figures 3 & 4, p. 149 figure5, p. 150		Генетический анализ знаковой операции	65-	
<i>The further development of sign operations</i>	152-		Дальнейшее развитие знаковых операций	70-	
5. Methods for the study of higher psychological functions	157-161	5	Глава пятая. Методика изучения высших психических функций	75-80	6
6. Conclusions	161-170	10	Заключение. Проблема функциональных систем	80-90	11
<i>The problem of functional systems</i>	161-				
<i>The use of tools in animal and human behaviour</i>	164-		Употребление орудий у животного и человека	83-	
<i>Word and action</i>	166-170		Слово и действие	86-90	

Затем, пожалуй, стоит упомянуть то поразительное обстоятельство, что, как выяснилось в ходе подготовки публикации английской версии текста и сверки рукописи с опубликованной советской версией этой работы, «русская версия 1984 года содержит несколько страниц, которые слово в слово повторяют фрагменты текста, идущего ниже. Наиболее вероятно, эти повторы появились в результате редакторских манипуляций с текстом в 1970-х-1980-х» (Van der Veer & Valsiner, 1994, с. 171), см. также (ван дер Веер, 2012; Van der Veer, 2012). Ван дер Веер и Валсинер установили такие текстуальные

соответствия в главах 1 (с. 14-17) и 4 (с. 69-72 и с. 74-75) русского издания. Ср. попарно такие параллельные фрагменты в Таблице 3.

Таблица 3. Параллельные дублирующиеся фрагменты в тексте русского издания «Орудие и знак» 1984 г. (Выготский, 1984).

Первое появление фрагмента в тексте, Глава 1 (с. 14-17)	Второе появление фрагмента в тексте, Глава 4 (с. 69-72 и с. 74-75)
<p>Начало фрагмента 1: «Изучение употребления знаков у ребенка и развития этой операции с необходимостью привело нас к исследованию того, как возникает, откуда берет начало символическая деятельность ребенка» ...</p> <p>Конец фрагмента 1: «Отнести овладение связью между знаком и значением к самому началу культурного развития ребенка — значит игнорировать сложнейшую, растянутую более чем на целое десятилетие историю внутреннего построения этой связи» (с. 14-15).</p>	<p>Начало фрагмента 1': «Изучая использование знака ребенком и развитие этой деятельности, мы с неизбежностью пришли к исследованию того, как возникает знаковая деятельность» ...</p> <p>Конец фрагмента 1': «Относить овладение этим отношением к самому началу культурного развития ребенка — значит игнорировать сложную историю внутреннего формирования отношения, историю, которая длится более 10 лет» (с. 69-70).</p>
<p>Начало фрагмента 2: «При вращивании, т.е. переходе функции внутрь ...» ...</p> <p>Конец фрагмента 2: «... специфическое новообразование со своими особыми законами» (с. 15-16).</p>	<p>Начало фрагмента 2': «При вращивании, т.е. при переносе функций внутрь ... » ...</p> <p>Конец фрагмента 2': «новое специфическое образование, имеющее собственные законы» (с. 74-75).</p>
<p>Начало фрагмента 3: «Этот перенос социального способа поведения в систему индивидуальных приспособлений опять-таки не является чисто механическим ... » ...</p> <p>Конец фрагмента 3: «... еще не оторвалась от внешней деятельности, еще не эмансипировалась от наглядного восприятия и внешнего действия (например, наглядное, или практическое, мышление ребенка)» (с. 16-17).</p>	<p>Начало фрагмента 3': «Перенос социальных способов поведения внутрь системы индивидуальных форм приспособления вовсе не есть чисто механический перенос...» ...</p> <p>Конец фрагмента 3': «...еще не выделены из внешней деятельности, не обособлены от непосредственного восприятия и внешнего действия, например практического мышления ребенка» (с. 71-72).</p>

Еще одну серию текстуальных повторов, чуть ли не зеркально отражающих текст конца второй и начала третьей глав русской публикации «Орудие и знак», обнаружил Дэвид Келлогг (David Kellogg) в ходе подготовительной работы над первым переводом этого текста на корейский язык (Kellogg, 2011; Kellogg & Yasnitsky, 2011). Все эти повторяющиеся фрагменты русского текста в сравнении с параллельным английским текстом см. на Рис. 2.

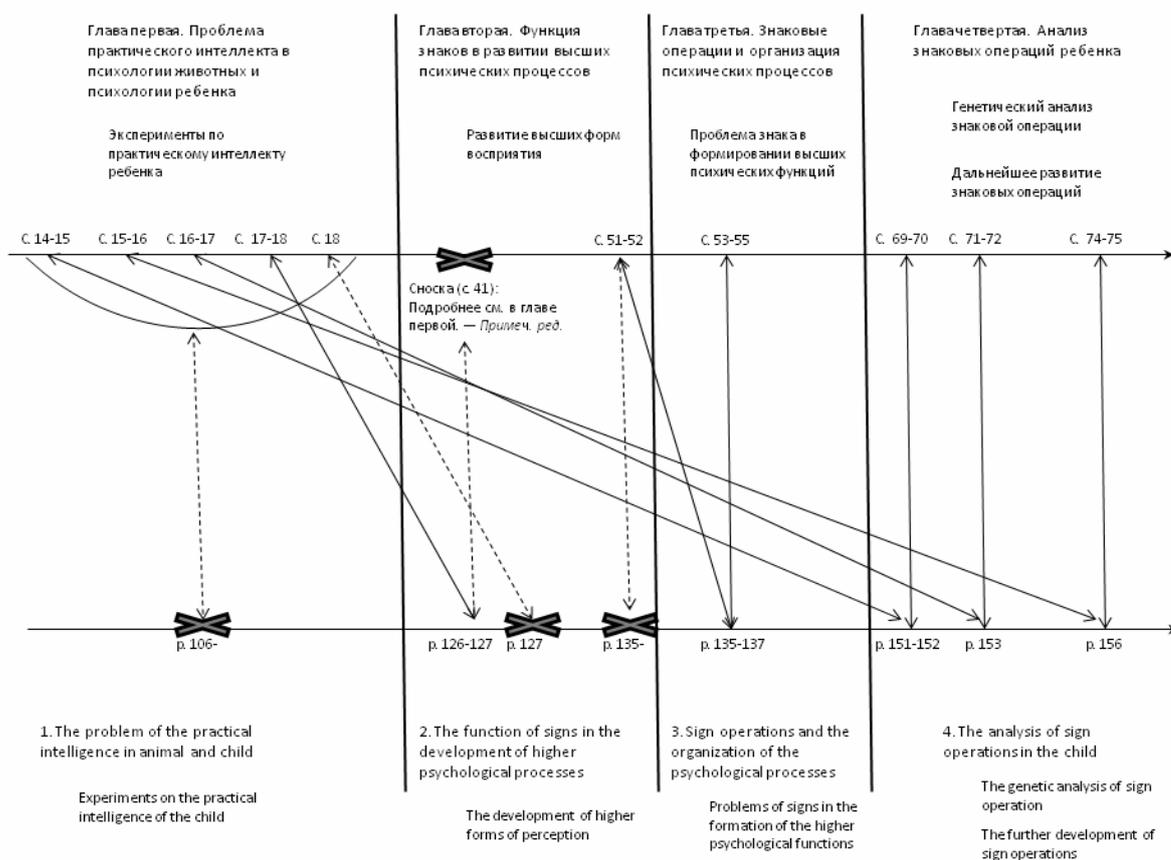

Рис. 2. Параллельные и повторяющиеся фрагменты текста в советском издании 1984 г. в сравнении с англоязычным изданием 1994 г. Непрерывные линии означают текстовые повторы, прерывистыми линиями в сочетании с крестообразными фигурами на осях обозначены ожидаемые, но не наблюдаемые соответствия английского и русского текста.

Таким образом, как мы видим (Рис. 2), целый ряд небуквальных повторов текста, опубликованного на стр. 151-156 английского издания, встречается в двух местах русского текста: на стр. 69-75 в буквально том же порядке и в тех же местах, что и в английском тексте; а с другой стороны, еще и на стр. 14-17, при этом порядке следования разных сегментов текста по сравнению с английским изданием несколько нарушен. В то же время, в соответствующем месте английского издания на стр. 106 и ее окрестностях этот текст отсутствует.

По несколько иному сценарию развиваются события в конце главы 1 — начале главы 2. Так, фрагмент на стр. 126-127 английского издания не встречается в соответствующем месте русского текста, где в качестве единственного упоминания о текстовой лакуне можно найти лишь редакторскую сноску следующего содержания: «Подробнее см. в главе первой. — Прим. ред.» (напоминаем, редактор тома 6 собрания сочинений Выготского — М. Г. Ярошевский). И вправду, этот фрагмент из начала второй главы английского текста (стр. 126-127) действительно встречается на стр. 17-18 в конце первой главы русского текста. Интересно при этом, что фрагмент текста, следовавший за этим, условно говоря, «перемещенным» фрагментом на стр. 18 русского издания, в английском тексте обнаружить нигде не удалось.

Еще более странное поведение русского текста обнаруживает концовка второй (абзацы 52-58 на стр. 51-52) и начало третьей главы (абзацы 3-7 на стр. 53-55). Происходящее здесь наиболее, пожалуй, приближенно к реальности можно описать в терминах «зеркального отображения». Это значит, что зачастую абзацы текста, стоящие в

самом конце главы 2, первыми появляются в начале текста главы 3. Некоторые пары абзацев конца главы 2 (56 и 57, а также 54 и 58) в главе 3 опубликованы одним абзацем (соответственно, абзацы 3 и 4). Здесь мы опять же имеем дело с фактическим, но не буквальным повтором текста. Детали см. на Рис. 3.

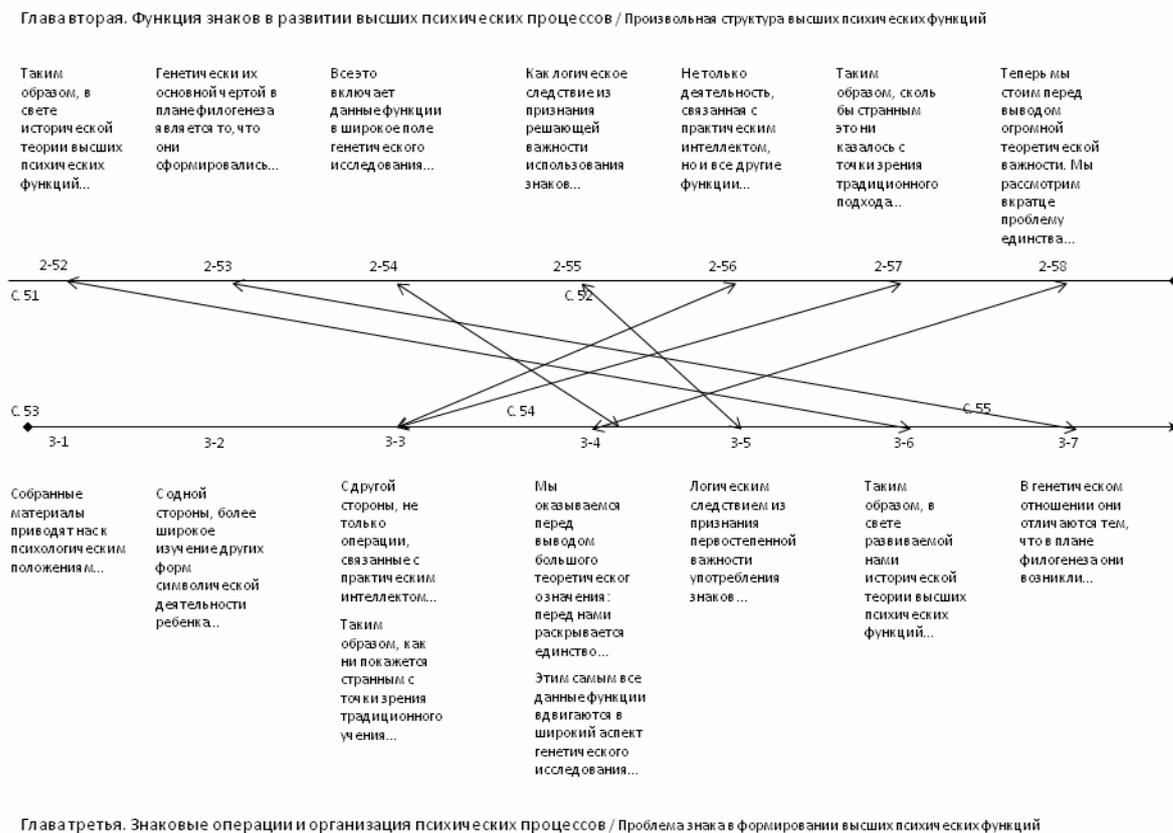

Рис. 3. Параллельные и повторяющиеся фрагменты текста в конце второй и начале третьей главы в советском издании 1984 г.

Мы должны быть исключительно признательны как ван дер Вееру и Валсинеру, так и Келлогу за указание на повторяющиеся фрагменты текста «Орудие и знак» издания 1984 года. И в то же время, следует обратить самое пристальное внимание не столько на черты сходства этих бесспорно одинаковых фрагментов, сколько на черты различия между ними, наводящие нас на мысль о том, что дубликация фрагментов текста возникла не в результате, скажем, типографской ошибки, а, скорее, вследствие серьезных ошибок, допущенных в ходе редакторской работы.

Более того, сравнительный анализ этих фрагментов позволяет нам со всей решительностью сформулировать рабочую гипотезу их происхождения, которая, разумеется, еще нуждается в своем подтверждении (или, напротив, опровержении). Согласно предположению, высказанному еще в 1991 г. во всемирно известной, классической книге ван дер Веера и Валсинера *Understanding Vygotsky. A quest for synthesis*, все эти тексты появились на свет в результате перевода на русский язык, предположительно, какой-то английской версии этой работы (Van der Veer & Valsiner, 1991, с. 188). Предположение о публикации перевода с английского на русский нашло подтверждение в книге Эльхонна Гольдберга, который рассказывает предысторию появления на свет русской версии «Орудия и знака» в том виде, в каком мы знаем этот текст по публикации в издательстве «Педагогика», вышедшей в 1984 году. В своей

недавней книге *The wisdom paradox: how your mind can grow stronger as your brain grows older* Гольдберг, в прошлом близкий ученик и сотрудник Лурии, сообщает, что в конце 1960-х, когда возникла идея опубликовать «Орудие и знак» в Советском Союзе, Лурия обнаружил, что оригинальный русский текст утрачен. Выход в этой, казалось бы, отчаянной ситуации, был найден: английская версия работы сохранилась, и, к несказанному изумлению Гольдберга, Лурия дал тому задание сделать обратный перевод с английского на русский, максимально похоже на оригинальный текст Выготского и Лурии, что и было исполнено. По выражению Гольдберга, их «невинная подделка» (benign forgery) была выдана за оригинальный текст и украшает собой один из томов шеститомного собрания сочинений Выготского без разъяснения того, что же на самом деле предшествовало этой публикации (Goldberg, 2005, с. 99). Более подробно об истории и эволюции взаимоотношений Гольдберга и Лурии см. (Goldberg, 2001; 2009). В своей книге Гольдберг датирует «обратный перевод» концом 1960-х. Действительно, решение о публикации многотомного собрания сочинений Выготского было предположительно принято в 1966 г. на уровне Президиума Академии педагогических наук (АПН) РСФСР⁵ (Выгодская и Лифанова, 1996, с. 350-351). Таким образом, с учетом того, что в 1974 г. Гольдберг эмигрировал из Советского Союза, мы можем с определенной уверенностью датировать события его истории обратного перевода текста Выготского и Лурии на русский язык интервалом 1966-1974 гг. И вправду, в своей совсем недавней публикации, состоявшейся в начале 2012 г. в *Психологическом журнале Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (PsyAnima, Dubna Psychological Journal)* в рамках обсуждения этой «невинной подделки», Гольдберг определил время работы над обратным переводом как 1968-1969 г. и представил своего рода документальное подтверждение такой датировки (Гольдберг, 2012; Goldberg, 2012).

И все же, эта история обратного перевода на русский, как бы сенсационно она ни выглядела, не объясняет ни дублирующихся фрагментов текста, ни определенных различий между ними. Между тем, напрашивается такое, вполне рациональное и достаточно простое объяснение этого явления: дубликация очень близких, но не идентичных фрагментов могла бы возникнуть в результате, скажем, неслаженной работы двух (или более) переводчиков, работавших над переводом одного и того же английского текста на русский язык и затем, ошибочного сведения этих двух переводов в один текст. Косвенное подтверждение эта версия находит в недавно опубликованных воспоминаниях анонимного блогера Ренатуса (Ренатус, 2012), а также в публикации Эльхонона Гольдберга с обсуждением этой версии блогера Ренатуса (Гольдберг, 2012; Goldberg, 2012). В подкрепление этого аргумента, чуть дальше мы проведем иллюстративный сравнительный разбор двух таких сходных фрагментов текста (см. Таблицу 4 и сопутствующее обсуждение ниже). Тем временем, здесь необходимо несколько отвлечься на обсуждение вопроса датировки окончательной версии исходного русского текста, предположительно не дошедшего до наших дней.

Почему нельзя верить Ярошевскому: На подходах к датировке оригинальной работы.

Появившийся на свет в результате явных манипуляций и опубликованный под названием «Орудие и знак в развитии ребенка», этот текст традиционно датируется 1930 годом. Так, например, составитель, автор послесловия и комментариев к шестому тому собрания сочинений Выготского, доктор психологических наук, профессор М.Г. Ярошевский в своем комментарии к изданию текста «Орудие и знак в развитии ребенка»

⁵ Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 августа 1966 г. АПН РСФСР была преобразована в Академию педагогических наук СССР.

указывает следующее: «Работа написана Л.С. Выготским в 1930 г. Издается впервые по тексту рукописи. Содержит в концентрированном виде ряд основных положений *культурно-исторической теории развития психики* и прямо соотносится с такими работами Выготского, как «Мышление и речь», «История развития высших психических функций», «Инструментальный метод в психологии» и др.» (Ярошевский, 1984, с. 348).

У нас есть серьезные основания усомниться в правильности этой датировки и такой оценки роли и места этого текста среди других работ Выготского. Тому есть целый ряд причин.

Первое. Использованное Ярошевским выражение для обозначения теории Выготского, а именно «культурно-историческая теория развития психики», никогда не встречается ни в одном тексте самого Выготского. Точно так же не найти в прижизненно опубликованных текстах Выготского и другого выражения из цитаты Ярошевского: «высшие психические функции». Как показывает недавно опубликованное исследование Петера Кайлера, терминология и фразеология Выготского в целом ряде мест заметно отличается от фразеологии, приписываемой ему. Так, например, во многих, но далеко не во всех случаях, исходное выражение Выготского «высшие *психологические* функции» в посмертных изданиях и переизданиях его работ, начиная с «Мышления и речи» (1934), было изменено на «высшие *психические* функции», а выражение «культурно-историческая теория», согласно Кайлеру, вообще было заимствовано из критического дискурса середины 1930-х и впоследствии приписано Выготскому его критиками, верными учениками, исследователями и последователями (Кайлер, 2012; Keiler, 2012).

Второе. Недоумение вызывает упоминание рукописи в комментарии Ярошевского в свете известной нам истории о том, что рукопись работы Выготского, по утверждению Лурии, была утрачена. Еще большие сомнения в правдоподобности ссылки на рукопись Выготского возникают теперь, когда мы знакомы и с историей обратного перевода с английского на русский в изложении Эльхона Гольдберга (Гольдберг, 2012; Goldberg, 2012; Goldberg, 2005, с. 99) и анонимного блогера Ренатуса (Ренатус, 2012).

Третье. Как известно, 9 октября 1930 г. Выготский выступил с докладом «О психологических системах», который, судя по его тексту и контексту презентации, на его слушателей произвел эффект разорвавшейся бомбы, и, в конечном счете, ознаменовал собой начало перестройки теории и экспериментальной практики на новых основаниях. Идея о *межфункциональных связях* (лежащая в основе концепции Выготского о функциональных системах) начинает появляться в текстах Выготского уже в 1930 г., например, в третьей части «Педологии подростка» (1931)⁶. Тем не менее, понятие *функциональной системы*, судя по имеющимся в нашем распоряжении текстам, было впервые публично заявлено именно во время программного выступления Выготского 9 октября 1930 г., и в той же «Педологии подростка» (1931) выражения «*функциональная система*» не найти. И, в то же время, «Орудие и знак» изобилует пространными рассуждениями о «функциональных системах», а само это выражение встречается не менее 15 раз в различных местах текста. Более того, можно вообще сказать, что лейтмотивом всей работы является обсуждение экспериментальных данных, собранных в 1920-е гг., и их анализ сквозь призму новой программы, ориентированной на исследование «функциональных систем». Таким образом, можно утверждать, что эта работа была написана (или существенно отредактирована) не ранее октября 1930 года.

Четвертое. «Орудие и знак» демонстрирует заметное влияние «полевой» терминологии, представленной не менее, чем тремя десятками случаев словоупотреблений понятия «поле» в таких выражениях как «зрительное поле», «сенсорное поле», «моторное поле», «поле внимания», «поле восприятия», «психическое» или «психологическое поле», «будущее поле действия», «пространственное» и

⁶ См., например, обсуждение датировки других текстов и идей Выготского в их развитии в недавней работе (Ясницкий, 2011b).

«временное поле» и т.п. Наиболее вероятно вся эта «полевая» терминология проникла в дискурс Выготского из работ гештальт-психологов, и, конкретно, именно Курта Левина (Kurt Lewin) и его берлинской группы, который как раз в начале 1930-х активно разрабатывал свою топологическую теорию, окончательно сформировавшуюся в ходе топологических семинаров уже после его эмиграции в Америку (см., напр., Люк, 2010) и опубликованную в оформленном виде на английском языке в его книге «Принципы топологической психологии» (Lewin, 1936).

Как показывает наше исследование (Ясницкий, 2011а, 2012а, 2012б), контакты между гештальт-психологами (Куртом Коффкой и Куртом Левином) и коллективом психологов под руководством Льва Выготского и Александра Лурии в 1930-е гг. — были особенно тесны и интенсивны.

Пятое. В «Орудии и знаке» имеется фрагмент, в котором его автор (или авторы) рассуждает о том, что «высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы» (Выготский, 1984, с. 58). Этот фрагмент является чуть ли ни буквальным повторением идеи, прозвучавшей во время встречи Выготского с его коллегами в конце 1932 года. Конспекты слушателей, участвовавших в этой встрече, были впоследствии опубликованы под именем Выготского и под названием «Проблема сознания» (Выготский, 1932/1968, 1932/1982). Среди личных заметок и записок Выготского сохранилась архивная запись «Symposium 4 декабря 1932 г.», сделанная, очевидно, в ходе подготовки к докладу, в которой, среди прочего, мы находим такой пассаж:

«Высшие и низшие ф[унк]ции не строятся в 2 этажа: их число и н[а]зв[а]ния не совпадают. Но и не наше прежнее понимание: высшая ф[унк]ция есть овладение низшей (произв. вн[и]м. есть подчинение себе непроизв. вн[и]м[ания]), ибо это и значит – в 2 этажа» (цит. по: Завершнева, 2008).

Судя по контексту беседы, эта мысль для Выготского и его сотрудников в декабре 1932 г. была вполне нова и оригинальна и, предположительно, во время этой встречи прозвучала впервые. Из этого можно заключить, что и последние поправки в текст работы «Орудие и знак» были предположительно внесены не ранее декабря 1932 г.

Шестое. И еще один пример. Эволюция представлений Выготского о детской игре также поможет нам более точно датировать текст работы «Орудие и знак». В 6-й главе текста (опубликованного под названием «История развития высших психических функций») встречается такое место, где Выготский развивает свои представления 1920-х годов о том, что знак, в частности, слово, замыкает «непосредственный узел (или связь) между данным словом и соответствующим ему предметом», и что в естественных условиях «... эта связь, или условный рефлекс, возникает у ребенка естественным путем, поскольку у ребенка нет открытия нового знака, а также и потому, что он употребляет слово как знак этого предмета» (Выготский, 1983, с. 175).

Для экспериментального изучения того, как же возникает этот, вызванный словом условный рефлекс, Выготский и его сотрудники поставили ребенка в искусственную ситуацию игрового замещения названий привычных предметов другими словами естественного языка и выявили, что «ребенок в игре, весьма охотно обозначает любой предмет названием любого другого предмета», что «у играющих детей тарелка или часы могут выполнять любую функцию», что в такой игре ребенок производит «ряд простейших действий между этими предметами, и [...] прекрасно запоминает их символическое значение» (там же). В следующей, 7 главе⁷ Выготский предлагает

⁷ Напоминаем: эта глава была впервые опубликована в 1935 г. в составе сборника работ Выготского «Умственное развитие детей в процессе обучения» как выдержка из седьмой главы его неопубликованной рукописи 1928-1929 г. «История культурного развития нормального и ненормального ребенка». В 1983 г. этот же текст вышел как седьмая глава работы Выготского «История развития высших психических

теоретическую интерпретацию этих экспериментов. Так, сначала автор постулирует следующий факт: «в игре для ребенка все может быть всем» и объясняет его тем, что «сам по себе объект приобретает функцию и значение знака только благодаря жесту, который наделяет его этим значением». Из чего, в свою очередь, следует что «значение заключается в жесте, а не в объекте», что «относительно безразлично, с каким именно предметом ребенок будет иметь дело в данном случае», поскольку «предмет обязательно должен быть точкой приложения соответствующего символического жеста» (Выготский, 1983, с. 175).

Всего несколько лет спустя тема игры опять становится предметом рассмотрения у Выготского, но не как иллюстрация его редукционистским, механистическим и рефлексологическим схемам «инструментального» периода, а с точки зрения вопроса о том, что же составляет собственно психологическое содержание детской игры и какова ее роль в детском развитии. Практически весь набор слов, которыми Выготский описывал игру в конце 1920-х, остается здесь на месте. При этом опять можно найти фразу о том, что «в игре все может быть всем», и упоминание символизма детской игры, однако все интерпретации поменялись на диаметрально противоположные⁸. Более того, это может показаться поразительным, но, судя по всему, в своих позднейших текстах Выготский вступает в открытую полемику ... с самим собой! В самом деле, в своей лекции о детской игре, прочитанной в ЛГПИ им. Герцена в 1933 году⁹, Выготский недвусмысленно заявляет, что «игра не символика» и что «положение Гете, что для ребенка в игре все может стать всем, — это положение неправильное», так как в детской игре «свойства вещи как таковой сохраняют немалое значение» (Выготский, 1933/1966, с. 70). На примере детской игры с палкой, изображающей лошадь наездника, Выготский иллюстрирует этот тезис, утверждая, что «символ это знак, а палка — не знак лошади», таким образом, для ребенка в игре «свойства вещи сохраняются, но значение их опрокидывается, т.е. центральным моментом становится мысль» (там же), а вовсе не жест, как Выготский утверждал всего за несколько лет до этого. Жест, конкретная операция с предметом — безусловно исключительно важны, но при этом для Выготского периода 1933-34 г. внешняя механика второстепенна в психологическом исследовании, уступая по важности механике внутренней: «в игре ребенок оперирует значением, оторванным от вещи, но оно неотрывно от реального действия с реальным предметом» (там же).

Понятие «смысл» приобретает особое, исключительно важное значение для развития мысли Выготского последние два года его жизни, в 1933-34 гг. В его лекции об игре 1933 года, «смысл» служит основополагающим объяснительным принципом психологического механизма детской игры и ее роли в развитии ребенка в онтогенезе. Выготский говорит о создании «мнимой ситуации» в игре, что становится возможным на основе расхождения «видимого» и «смыслового полей», появляющегося у ребенка в дошкольном возрасте (там же, с. 65). Такая «мнимая ситуация» неразрывно объединяет в себе самого ребенка, его мысли и действия, мир физических предметов, и, что существеннее, мир значений, или же, по выражению Выготского, «смысловое поле». Выготский утверждает, что «ребенок в игре создает такую структуру — смысл/вещь, где смысловая сторона, значение слова, значение вещи, является господствующей, определяющей его поведение. Значение эмансипируется до некоторой степени от вещи, с которой оно раньше непосредственно было слито».

Выготский развивает свою мысль и, используя образ дроби, говорит, что, подобно тому, как в дроби «вещь/смысл» в детской игре числитель и знаменатель меняются местами, точно такая же трансформация происходит и по отношению операции с вещью

функций», ошибочно датированной комментатором этого издания 1931 годом; обсуждение этих и других важнейших публикаций Выготского см. в (Ясницкий, 2011b).

⁸ Автор признателен Е. Матусову (Dr. Eugene Matusov), подметившему и указавшему ему это явное противоречие в текстах Выготского.

⁹ Стенограмма лекции впервые опубликована в виде статьи в журнале «Вопросы психологии» в 1966 году.

[...] и возникает новая дробь «смысл/действие», в которой «структура опрокидывается и определяющим становится смысл». Таким образом, «действие отодвигается на задний план, становится точкой опоры — опять смысл отрывается от действия с помощью другого действия» (там же, с. 73), и, тем самым, ребенок, по словам Выготского, совершает «движение в смысловом поле». В свою очередь, «это движение в смысловом поле — самое главное в игре: оно, с одной стороны, есть движение в абстрактном поле (поле, значит, возникает раньше, чем произвольное оперирование значениями), но способ движения — ситуационный, конкретный (т. е. не логический, а аффективное движение)» (там же, с. 73). Теоретическое значение этой внутренней полемики в работах Выготского разных периодов будет затронуто в отдельном специальном исследовании. Сейчас же рассмотрим представления о детской игре автора текста «Орудие и знак в развитии ребенка» и проанализируем, как они соотносятся с двумя полярными взглядами на эту тему, выраженными в других работах Выготского.

Заочный диалог переводчиков: Обсуждение детской игры в трех версиях одного текста.

Взгляды на детскую игру в тексте «Орудие и знак» представлены в одном дублирующемся фрагменте текста, который в некоторой степени проливает свет на «творческий метод» переводчиков, предположительно работавших над его переводом с английского, и, с другой стороны, проясняет историю развития представлений на игру среди исследователей круга Выготского. Интересующий нас фрагмент представлен в Таблице 4, где в первой колонке мы видим первый фрагмент, а в последней колонке второй фрагмент, условно названные здесь соответственно «Перевод А» и «Перевод Б» (ср., соответственно, Фрагмент 1 и Фрагмент 1', представленные в таблице 3, см. выше). В средней колонке представлен текст английской версии рукописи, послуживший предположительно основой для этих двух переводов. В первую очередь нас здесь интересуют те случаи, когда русские версии текста расходятся между собой, но имеют прямые аналоги в английском тексте. Буквальные текстуальные соответствия обозначены в тексте жирным шрифтом, незначительные отклонения от английского оригинала выделяются курсивом, а грубые ошибки, возникшие в результате таких отклонений и приведшие к внутренним противоречиям в русском тексте «Орудие и знак» советского издания 1984 года, обозначены одновременно курсивом и подчеркиванием. Для удобства обсуждения результатов анализа фрагменты текста в таблице разбиты по предложениям и пронумерованы (нумерация предложений представлена только в первой колонке).

Таблица 4. Три фрагмента текста «Орудие и знак» с рассуждением об игре.

<i>Орудие и знак в развитии ребенка, собрание сочинений, т. 6, 1984, с. 14-15</i> «Перевод А»	<i>Tool and Symbol in Child Development, Vygotsky Reader, 1994, p. 151-152</i>	<i>Орудие и знак в развитии ребенка, собрание сочинений, т. 6, 1984, с. 69-70</i> «Перевод Б»
1. Опыты показывают, что ребенку в игре и в речи чуждо сознание условности, произвольности соединения знака и значе-[с. 15]ния.	Experiments show that both in play and in speech the child is far from consciously realizing the relativity of the sign operation or of the arbitrarily established connection of sign and meaning.	Эксперименты показывают, что в игре и речи ребенок далек от сознания условности знаковой операции , от сознания произвольно устанавливаемой связи между знаком и значением.
2. Для того чтобы быть знаком вещи, <i>слово</i> должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта.	In order to become an object's (word's) sign , the stimulus finds support in the properties of the designated object itself.	Чтобы стать знаком вещи (слова) , стимул должен иметь опору в качествах самого обозначаемого объекта.
3. Не «все может быть всем» в игре ребенка.	Not 'everything can represent everything' for the child in this	Не <i>все вещи одинаково важны</i> для ребенка в такой игре.

	game.	
4. Реальные свойства вещи и ее <i>символическое значение</i> обнаруживают в игре сложное структурное взаимодействие .	The objects' real properties and their sign meanings come into complex structural interaction during play.	Реальные качества вещи и их знаковое значение вступают в игру в сложные структурные <i>взаимоотноше-</i> [с. 70] <i>ния</i> .
5. <i>Так же</i> и слово связывается для ребенка с вещью через ее свойства, вплетаясь в их общую структуру.	Thus , for the child, the word is linked to the object through the latter's properties and is incorporated in one structure, common to it.	Таким образом , слово для ребенка связано с вещью через ее качества и включено в общую с ним структуру.
6. Поэтому ребенок в наших опытах не соглашается с тем, что можно было бы пол называть <i>стаканом</i> («по нему, ходить нельзя будет»), но делает стул поездом, <i>изменяя</i> в игре его свойства, т. е. обращаясь с ним как с поездом.	That is why the child in our experiments refuses to call the floor a mirror (it cannot walk on a mirror), but has no qualms at [152] transforming a chair into a train, using its properties in play, i.e. manipulating it as if it were a train.	Поэтому ребенок в наших экспериментах не соглашается назвать пол зеркалом (он не может пройти по зеркалу), но превращает стул в поезд, применяя в игре его качества, т. е. манипулируя с ним как с поездом.
7. Ребенок отказывается <i>переменить значения</i> слов «стол» и «лампа», потому что «на лампе нельзя будет писать, а стол <i>будет</i> гореть».	When asked to call a lamp 'table' and vice versa , the child refuses, because one 'can't write on a lamp, or <i>turn on</i> a table'.	Ребенок отказывается называть лампу столом и наоборот , так как «нельзя писать на лампе, а стол не может гореть».
8. Изменить название — значит для него изменить свойства вещи.	To change (<i>or swap</i>) meanings for the child means to change the properties of objects.	Заменить обозначения для него — значит заменить качества вещей.

Начнем с общей сравнительной характеристики этих двух переводов. В целом, насколько вообще можно судить по приведенному фрагменту, следует сказать, что «переводчик Б» сделал перевод более буквальный и близкий к тексту оригинала. Тем не менее, в двух случаях «переводчик А» был ближе к оригиналу (см. предложения 3 и 4); в одном из этих случаев это оказалось весьма существенно, а именно, в предложении 3 была сохранена цитата оригинала: «не „все может быть всем“ в игре ребенка» (Выготский, 1984, с. 15). «Переводчик Б» использовал при этом существенно отличную по смыслу фразу — «не все вещи одинаково важны», подразумевающую мысль о ранжировании физических объектов по важности в детской игре, чего не найти в двух других версиях этого текста.

В двух других случаях «переводчик Б» допустил две грубые ошибки (см. предложения 6 и 7), что привело к появлению взаимоисключающих утверждений на разных страницах одного и того же русского текста «Орудие и знак»; так версии о том, что «стол **будет** гореть» (на стр. 15), противостоит указание на то, что «стол **не может** гореть» (на стр. 70), а интерпретации, согласно которой ребенок **изменяет** в игре свойства предмета, в другом месте (на стр. 15), противоречит положение, что в игре ребенок **применяет** (иными словами, использует) качества предмета. Данное положение можно найти также на стр. 70.

Курьезное расхождение в двух версиях предложения 6, где в «переводке А» фигурирует «**стакан**», а в «переводке Б» речь идет о «**зеркале**», может свидетельствовать о том, что оба переводчика пользовались предположительно вариантом английского текста несколько отличным от того, что был опубликован в издании 1994 года: в этом гипотетическом тексте вместо английского слова «*mirror*» было предположительно использовано слово «*glass*», обозначающее, как известно, одновременно и «стакан» и «зеркало». Также дает нам основания для вывода о предположительном существовании несколько отличной от опубликованной версии английского текста то обстоятельство, что оба русских текста упоминают о способности лампы «**гореть**» в нормальной, неигровой ситуации, подразумевая, очевидно, не электрическую, а, скажем, масляную лампу. Английский текст 1994 г., с другой стороны, предлагает несколько модернизированный

образ элетрической лампы, которую в неигровых условиях можно «включить» (turn on). Эти расхождения между предположительно англоязычным источником и русскими переводами опять же можно объяснить позднейшей правкой английской рукописи текста. Так или иначе, в большинстве случаев второй вариант ближе к известному нам английскому тексту, в том смысле, что «переводчик Б» явно стремился дословно передать текст оригинала (точнее сказать, первого перевода — с русского на английский¹⁰), а потому может считаться более достоверным настолько, насколько двойной перевод, в принципе, можно рассматривать с точки зрения достоверности.

Что же касается содержания, то, насколько нам позволяет судить о том обратный перевод на русский, этот текст занимает промежуточное и, вероятно, переходное положение между работами конца 1920-х и лекцией об игре 1933 года. Автор текста уже отказывается от идеи произвольно устанавливаемой искусственной связи между словом и предметом в игре; нет здесь и положения о ведущей роли жеста в формировании значения, и механистических спекуляций о замыкании условно-рефлекторных связей между предметом и новым, игровым его обозначением, напротив, какие-то формулировки дословно повторяют, или же (что более вероятно) предвосхищают положения ленинградской лекции об игре 1933 г., например, фраза о том, что «не „все может быть всем“ в игре ребенка» (Выготский, 1984, с. 15); здесь нет ни «мнимой ситуации», ни рассуждений о смыслообразовании и тому подобных тем, характерных для дискурса Выготского периода 1933-34 г. Думается, что (судя по степени развитости представлений автора об игре в этом фрагменте) мы имеем основания датировать этот конкретный отрывок текста приблизительно 1932-м годом.

Вернемся же к вопросу о датировке всего текста «Орудие и знак в развитии ребенка». На основании приведенных данных приходится существенно уточнить датировку работы «Орудие и знак в развитии ребенка», которая традиционно считается совпадающей по времени создания с такими опусами как рукописи работ по «истории развития функций» или третья книга трехтомника «Педология подростка» (см. выше). По всей видимости, следует переопределить «Орудие и знак» как текст, последние изменения в который были внесены ориентировочно в 1932-м — начале 1933 года, хотя при этом остаются и определенные неясности, вызванные использованием автором несколько анахроничной для этого периода терминологии. Так, например, понятие «стимул» и его производные появляются в этом тексте свыше 60 раз, что более характерно для ранних текстов Выготского и совершенно нетипично для его более поздних текстов. Впрочем, мы можем предположить, что высокая частотность слова «стимул» является артефактом двойного перевода этого текста сначала с русского языка на английский, а затем обратно с английского на русский язык.

Подводим итоги: Датировка текста и проблема аутентичности в современном ревизионистском выготсковедении.

Итоги рассмотрения работы «Орудие и знак в развитии ребенка» могут быть представлены в виде двух основных выводов.

1) Работа «Орудие и знак в развитии ребенка» русского издания 1984 г. и английского издания 1994 г. — ни при каких обстоятельствах не могла быть рукописью,

¹⁰ Как мы знаем из других довоенных публикаций Выготского, Лурии и других представителей круга Выготского, подавляющее большинство их публикаций на английском языке — если не все — были переведены с русского оригинала. Среди известных нам переводчиков работ Лурии и Выготского на английский следует назвать таких брокеров между советской и международной, североамериканской наукой как Хорсли Гант (W. Horsley Gantt), Джейкоб Казанин (Jacob Kasanin), Евгения Ханфманн (Eugenia Hanfmann) и Хелен Коган (Helen Kogan). Об иностранных и иноязычных публикациях психологов довоенной поры см. (Ясницкий, 2011с), о международных научных брокерах см. недавно вышедшие работы (Ясницкий, 2011а, 2012а, 2012б).

предположительно отправленной в 1930 г. для публикации в «Handbook of Child Psychology» (1931).

2) Датировать последние редакции текста этого произведения следует, пожалуй, не ранее конца 1932, а возможно даже и 1933 годом. Только специальное исследование сможет помочь нам определить источник анахронизмов и следов сравнительно более ранних идей в тексте, установить объем редакторских манипуляций с текстом рукописи, и разъяснить историю этого текста в период с 1930 г., когда какая-то его версия предположительно была отправлена издателем в США для публикации на английском языке, и началом 1970-х, когда какая-то рукопись (точнее: машинопись) на английском языке была передана Лурией Коулу для публикации на Западе. Различия между этими двумя текстами периодов 1930-х и 1970-х остаются полной загадкой для нас по сей день. Между тем, уже сейчас можно утверждать, что доверие к русскоязычному тексту, опубликованному издательством «Педагогика» в 1984 г. в шестом томе собрания сочинений Выготского, как к аутентичному тексту Выготского начала 1930-х годов окончательно, безнадежно и бесповоротно подорвано. Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что существуют определенные сомнения в аутентичности целого ряда известных нам текстов этого автора, вышедших в советских изданиях преимущественно послевоенного периода. Скрупулезная работа по восстановлению и реконструкции аутентичных слов, фраз, текстов и смыслов как раз и составляет «критическое направление» в ревизионистском течении современного международного выготсковедения, стремительное распространение которого во всем мире мы наблюдаем в наши дни (Yasnitsky, 2012).

Литература:

- ван дер Веер Р.* Рукописи не горят, не так ли? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012. № 1. С. 139-144.
- Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл. 1996.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Соцэкгиз. 1934.
- Выготский Л. С.* Проблема сознания (1932) // Леонтьев А. А. и Рябова Т. В. Психология грамматики. М.: Изд-во МГУ. 1968. С. 178-196.
- Выготский Л. С.* Проблема сознания (1932) // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Том I. Вопросы теории и истории психологии. Москва: Педагогика. 1982. С. 156-166.
- Выготский Л. С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка (1933) // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62-76.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Том 3. Проблемы развития психики. Москва: Педагогика. 1983. С. 5-328.
- Выготский Л. С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Том шестой. Научное наследство. Москва: Педагогика. 1984. С. 5-90.
- Гольдберг Э.* «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012. № 1. С. 121-123.
- Завершнева Е.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2) // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120-136.

- Кайлер П.* «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012. № 1. С. 34-46.
- Коул М.* Комментарии к предыдущим комментариям // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012. № 1. С. 128-132.
- Люк Х.* Групповые процессы в научных исследованиях (на примере «Топологической группы» Курта Левина) // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Выпуск 3. С. 77-89.
- Ренатус.* «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012. № 1. С.114-117.
- Ярошевский М. Г.* Комментарии // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Том 6. Научное наследство. Москва: Педагогика.1984. С. 348-356.
- Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии, 2011а. № 6. С. 108-121.
- Ясницкий А.* «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011b. № 4. С. 1-52.
- Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов // Вопросы психологии, 2011с. № 1. С. 124-136.
- Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии, 2012а. № 1. С. 100-112.
- Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012b. № 1. С. 60-97.
- Cole M.* Prologue: Reading Vygotsky // Rieber R. W., Robinson D. K. (Eds.). The essential Vygotsky (pp. vii-xii). New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers. 2004.
- Cole M.* Comments on prior comments // PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 2012. № 5(1), p. 124-127.
- Cole M., John-Steiner V., Scribner S., Souberman E.* Editors' preface // L. S. Vygotsky (Ed.), Mind in society: the development of higher psychological processes (pp. ix-xi). Cambridge: Harvard University Press. 1978.
- Garai L., Kocski M.* Another crisis in the psychology: A possible motive for the Vygotsky-boom // Journal of Russian and East-European Psychology, 1995. V. 33(1), p. 82-94.
- Goldberg E.* The executive brain: Frontal lobes and the civilized mind. New York: Oxford University Press. 2001.
- Goldberg E.* The wisdom paradox: How your mind can grow stronger as your brain grows older. New York: Gotham. 2005.
- Goldberg E.* The new executive brain: Frontal lobes in a complex world. New York: Oxford University Press. 2009.
- Goldberg E.* "Thank you for sharing this fascinating material - very interesting" // PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 2012. № 5(1), p.118-120.
- Harre R.* Key thinkers in psychology. London, UK: Sage Publications. 2006.
- Keiler P.* "Cultural-historical theory" and "Cultural-historical school": From myth (back) to reality // PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 2012. № 5(1), p.1-33.
- Kellogg D.* Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development // PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 2011. № 4(4), p. 85-97.

- Kellogg D., Yasnitsky A.* The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, № 4(4), p.98-158.
- Lewin K.* Principles of Topological Psychology. New York & London: McGraw-Hill Book Company. 1936.
- Murchison C.* (Ed.). A handbook of child psychology. Worcester, MA: Clark University Press. 1931.
- Van der Veer R.* Rukopisi ne goryat or do they? // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2012. № 5(1), p.133-138.
- Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Oxford: Blackwell. 1991.
- Van der Veer R., Valsiner J.* (Eds.). The Vygotsky reader. Oxford: Blackwell. 1994.
- Vygotsky L. S.* Mind in society: the development of higher psychological processes. Cambridge: Harvard University Press. 1978.
- Vygotsky L.S.* Tool and sign in the development of the child // R. W. Rieber (Ed.), The collected works of L. S. Vygotsky (Vol. 6. Scientific legacy, pp. 3-68). 1984/1999. New York, NY: Plenum Press.
- Vygotsky L.S.* Tool and symbol in child development // R. van der Veer, J. Valsiner (Eds.), The Vygotsky reader (pp. 99-174). Cambridge, MA: Blackwell. 1994.
- Yasnitsky A.* “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky’s archives // *Journal of the Russian and East European Psychology*, 2010, 48(1), p.3-13.
- Yasnitsky A.* Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2011. 45(4), p.422-457.
- Yasnitsky A.* Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*, 2012. 50(4), p.3-14.